

ОСТРОВ В ОКЕАНЕ

Возвращаясь с работы на заднем бампере переполненного троллейбуса, я вдруг увидел за грязным стеклом трех девчонок, с которыми вместе учился еще в седьмом классе. Сердце бешено заколотилось, так как в одну из них я был раньше влюблен и не видел ее два года. Рядом с девочками стоял высокий парень в элегантном длинном пиджаке и галстуке с модным широким узлом. Парень, с нарочито серьезным видом, что-то рассказывал, а девочки глядели на него и весело смеялись. Почти забытая ревность подняла, было, голову, но я тут же дал ей по шее.

«Все правильно, – подумал я, – так и должно быть: кому положено учиться – тот учится, а тот, кому было лень шевелить мозгами, должен ворочать руками, лежа в грязи под машиной».

Даже рабочая гордость во мне не проснулась и сделала вид, что дремлет вместе с совестью. Внутри стало пусто и тоскливо. Троллейбус подпрыгнул на рельсах железнодорожного переезда. Я чуть не сорвался с бампера и не угодил под колеса шедшего сзади грузовика. На остановке, перебравшись в салон, я проехал несколько лишних остановок, подслушивая разговор девчонок про какую-то контрольную работу. Меня никто не узнал.

Вдруг страшно захотелось в школу. Я представил себе, как ранним прохладным утром, по мокрым весенним улицам, иду в костюме и белой рубашке, при галстуке, с небрежно закинутой на плечо спортивной сумкой. В школьном саду перед уроками, долговязые ребята с умным видом обмениваются новостями, и мы выкуриваем по первой утренней сигарете. А в классе, как птицы, щебечут стройные девочки в воздушных белых передниках. Не то что в нашем гараже, где мат-перемат.

Я вышел из троллейбуса и почувствовал исходящий от моей одежды неистребимый запах отработанного машинного масла и бензина. И вдруг этот запах, к которому я уже привык за три года работы в ремзоне, показался мне невыносимым, и сам себе я тоже стал противен.

Дома под сильным горячим душем я немного отошел, но когда переоделся, снова навалилась тоска. Родители гнали меня в вечернюю школу, которую я и все мои приятели к тому времени уже бросили посещать. Чтобы зря не расстраивать родителей, я сделал вид, что собираюсь в школу, и для отвода глаз взял школьную папку. В парадном я спрятал ненужную папку за батарею и вышел на улицу. Стояла ранняя ленинградская весна. Тихими апрельскими вечерами уже можно было торчать на улице, стоя на пяточке асфальта, свободного ото льда и снега, или сидеть на спинке скамейки и брэнчать на гитаре. Не то что зимой: собраться не у кого – все жили в коммуналках. Обычно перед школой мы встречались на нашем «углу» и бросали на счастье монетку: орел – идем пить пиво, решка – пьем пиво обязательно, на ребро встанет – объявляем день трезвости, а в воздухе зависнет – отправляемся в вечернюю школу.

Почему-то всегда выпадали орел или решка, но однажды монета покатила по асфальту и, попав в трещину, встала на ребро. Мы единодушно решили отпраздновать такой редкий случай и направились пить пиво.

Ко мне домой несколько раз заходили девочки из нашего класса. Они уговаривали меня вернуться в школу и закончить девятый класс. Я пообещал, что как-нибудь обязательно зайду, для того чтобы попрощаться с учительницей математики – нашим классным руководителем, которую очень уважал.

Сегодня вдруг потянуло в школу. Я решил сходить просто так, но на первый урок опоздал и, чтобы убить время, заглянул в парикмахерскую напротив школы. Мне очень нравилось стричься и бриться у одного пожилого мастера. Парикмахер, как фокусник, управлялся с трофейным сточенным почти до обушка «Золингеном». После бритья я обычно заказывал горячий компресс и одеколон. Знакомого мастера в зале не было. На ручке одного из кресел сидела длинноногая девица в мини-юбке, у которой я тоже пару раз подстригался.

– Заходи, чего уставился, – дружески предложила девица, – в то кресло садись, – и, выходя из зала, вполголоса добавила, – смертник!

Я не придал значения ее словам и, критически рассматривая себя в зеркале, пытался объективно определить, насколько мужественное у меня лицо. Неожиданно сзади появилась девчонка лет четырнадцати и шустро повязала мне вокруг шеи чистую белую простыню. Мне показалось, что этим все и закончится – девчонка просто подмастерье, которой поручено повязывать клиентам простыни и подметать зал. Но малолетка решительно взялась за ножницы. В зал вернулась длинноногая девица, уселась на подлокотник соседнего кресла и ухмыльнулась.

– Расслабься, – успокоила она меня, – это совсем не больно, и если что, «скорая помощь» в соседнем доме, успеют спасти.

– Канадку, – ответил я на молчаливый вопрос девчонки.

С решимость человека, у которого остался последний шанс, она приступила к стрижке. Работала девчужка в общем, неплохо. Сначала я боялся за свои уши, но быстро успокоился. Прическа получилась не хуже чем у старого мастера.

«Мы молодые еще покажем старикам, – с гордостью подумал я».

– Вас побрить? – с каким-то внутренним напряжением в голосе спросила девчонка.

Я всегда проклинал себя за то, что медленно соображаю, и почти машинально кивнул головой.

– Ой, умру! – заржала девица на соседнем кресле. – Ленка-брила, пойду звонить в «скорую», чтобы приготовились.

Уже через несколько секунд я со страхом наблюдал, как девчужка неумело правит на ремне дешевую опасную бритву, годную разве что для заточки мягких цветных карандашей. Дома у меня был трофейный «Золинген», и в качестве опасных бритв я хорошо разбирался.

Девчонка совершенно не умела править на ремне бритвы, и я был в полной уверенности, что она только завалила жало. Взбив помазком в никелированном стаканчике обильную пену, юная мастерица намылила мою физиономию. Она взяла в руки бритву, вздохнула, как перед прыжком в прорубь, и стала сначала осторожно, а потом все сильнее и сильнее скоблить тупой бритвой мою левую щеку. Я терпел. Девчонка отошла на шаг, полюбовалась проделанной работой и, снова намылив мне только что побритую щеку, принялась терпеливо ее скрести. Очевидно, она решила соскоблить кожу. Тем временем мыло на правой щеке засохло. В зал вошел старый мастер. Он критически посмотрел на юную мастерицу и ехидно заметил:

– Это тебе не воздушные шарики брить на курсах. Переходи к другой щеке, а то в этой скоро дырка образуется.

– А вы, Абрам Самуилыч, дайте ей свой острый «Золинген», – с усмешкой предложила девица мастеру.

– Чтобы она ему на лице кровавую сеточку сделала?

Девчонка тем временем закончила скоблить мою вторую щеку, и мне даже стало ее немного жалко. Но через несколько секунд я уже жалел самого себя. Мастерница, по неопытности, слишком высоко подняла выдвижной подзатыльник кресла, так что голова моя наклонилась вперед. Девчонка с серьезным видом решала, как бы половчее побрить мое горло. Я со страхом наблюдал за бритвой, которую она небрежно вертела в руках.

– Ладно, – не выдержал старый мастер, – ты мне всех клиентов зарежешь.

«Неужели она уже кого-то зарезала?» – с тревогой подумал я.

Старый мастер подошел со своей бритвой и несколькими движениями меня выбрил. Девчонке он разрешил сделать компресс. Мастерница смочила полотенце в кипятке и смело приложила его к моему лицу. Если бы я вовремя не вывернулся, она сожгла бы мне кожу до волдырей. На прощанье мастерница из пульверизатора приснула одеколоном мне прямо в нос, так что я расчихался.

Воня дешевым одеколоном, я заявился в школу. На лестничной площадке третьего этажа стоял мой приятель Ленька Селезнев и курил «Памир» из длинного эбонитового мундштука. Он был единственный из нашей компании, кто упорно учился и весной собирался во второй раз поступать в мореходку.

Я уже пытался поступить в мореходку сразу после окончания семи классов. Председатель приемной комиссии – седой моряк в кителе капитана первого ранга с пустым левым рукавом достал из конверта мой аттестат об окончании семи классов, в котором была всего лишь одна четверка... по поведению, а по всем остальным предметам тройки. Капитан неодобрительно кашлянул и ловко одной рукой встряхнул и развернул листок с характеристикой. По всему было видно, что это мужественный человек и лицо его оставалось непроницаемым за всё время чтения. В одном месте он едва заметно усмехнулся: наверное, его растрогал тот единственный положительный момент в моей биографии, где говорилось, что я был членом «Общества охраны и озеленения природы» и регулярно платил членские взносы.

Как фокусник, пальцами одной руки капитан сложил листок характеристики и засунул ее обратно в конверт. Сочувственно посмотрев на меня, как на беглого каторжника, которому все равно не отвертеться от наказания, капитан назидательно произнес:

«Парень, с таким аттестатом и характеристикой тебя не то что в мореходку, в тюрьму не примут!»

Оказалось, что математичка заболела. Сидеть на уроках было тошно, и я уговорил Леньку смыться из школы. По дороге домой в темном садике к нам подвалили какие-то совершенно незнакомые парни с целью проверки наших карманов. Всех местных хулиганов мы хорошо знали, и эти были явно залетные. В короткой драке я едва не схлопотал в бок перо. Ленька чудом увернулся от удара обрезком трубы и сохранил голову будущему штурману дальнего плавания. Под давлением превосходящих сил хорошо вооруженного противника мы отступили. Через пару минут, отдышавшись от бега, Леха вызывающе погрозил кулаком в темноту и заявил:

– Мы бы им дали, если бы они нас догнали.

Во дворе участковый милиционер по-отечески погрозил мне пальцем. Лейтенант никак не мог простить, что я привязал длинной веревкой к бамперу троллейбуса чугунную скамейку, на которой отдыхали его дружинники. Скамейка проехала всего-то метр, а потом веревка сразу

оборвалась. Никто не пострадал, но участковый усмотрел в этом действии покушение на власть «при исполнении» и даже вызвал следователя. Мне повезло, что дружинники оказались хорошими рабочими парнями и кончили дело миром.

На злополучной скамейке сидел Олег Оболенский. Он уже имел аттестат о среднем образовании и собирался поступать в университет на географический факультет. Олег сообщил, что днем устроился на подготовительные курсы.

Тоска чуть не разорвала мне сердце. Все учатся, куда-то стремятся и только я буду сидеть в яме до призыва в армию.

Неожиданно Олег предложил:

– Послушай, сдай экзамены экстерном за одиннадцать классов и осенью вместе поступим в университет.

Это было даже не смешно.

– Ты что? – опешил я. – Мне девятый класс второй год никак не закончить, а сдать экстерном за одиннадцатый, да еще поступить в университет, – я безнадежно махнул рукой.

– Во-первых, получишь месячный оплачиваемый отпуск для сдачи экзаменов на аттестат, – подъехал Олег с другой стороны, – а если повезет, то и второй отпуск для поступления в университет.

С отпусками он здорово придумал. Пока я был малолеткой, то имел месячный отпуск, а после исполнения восемнадцати лет мой годовой отпуск составлял всего двенадцать рабочих дней.

– Сколько экзаменов надо сдавать экстерном? – поинтересовался я просто так, чтобы поддержать разговор.

– Всего семнадцать, – ответил Олег с такой интонацией, как если бы говорил: «Всего один».

Ленька захохотал.

– Семнадцать экзаменов за два месяца? И потом еще и вступительные?

– А тебе есть из чего выбирать? Без экзаменов принимают только в институт Склифосовского. Но зато будем учиться на кафедре океанографии, увидим все моря и океаны. Ты только представь себе – острова в океане...

Я никогда не видел моря, но, закрыв глаза, живо представил себе океан: на горизонте в сизой дымке парил далекий сказочный остров. Над зеленой шапкой тропического леса висело ослепительно-белое кучевое облако.

– Всё, заметано, – твердо заключил я. – Сдаю экзамены экстерном и поступаю в университет.

«Ты в своем ли уме? – ужаснулся Первый внутренний голос. – Знаешь сколько надо работать?»

«Не бойся, и не слушай советов этого лентяя, – поддержал меня Второй внутренний голос. – Была бы стенка – пробьемся!»

«Ну, пробьете вы головой стенку, и что будете делать в соседней камере?» – съехидничал Первый внутренний голос.

Было совершенно ясно, что мои шансы близки к нулю. Но на другой день с аттестатом об окончании семи классов я поехал в единственную в районе вечернюю школу, где можно было сдавать экстерном на аттестат, написал заявление и получил экзаменационный лист.

Дома я никому о своем решении не говорил, чтобы не засмеяли. Особенно остроумно на язык брательнику, который уже заканчивал аспирантуру в Горном институте. Как раз накануне моего исторического

решения брат подарил мне Уголовный кодекс РСФСР с надписью на обложке: «Братьку... на всякий случай!»

На другой день вечером ко мне опять пришли девчонки из нашего класса и уговорили зайти в школу к Анне Ивановне. Я отправился в школу, чтобы потрясти учителей своими грандиозными планами.

В учительской, кроме математички, вертелся наш физик Исаак Соломонович – шустрый, как электрический веник, старый холостяк. Больше всего на свете Исаак любил проверять домашние задания, которые в вечерней школе редко кто делал. И занимало это у него почти половину урока. Исаак с видом великомученика ходил по рядам и спрашивал тетрадку с домашним заданием. Получив отрицательный ответ, он бежал к столу и яростно ставил в журнал двойку. Потом с невозмутимым видом возвращался, спрашивал следующего, и процедура повторялась. Единственное замечательное событие наступало, когда он подходил к парте, за которой сидела Галка Горюнова – высокая красивая брюнетка с выразительными миндалевидными глазами.

Маленький сутулый Исаак в куцем потертом пиджаке стоял перед Галкой, как седой мальчик. Голос у него ломался, и он спрашивал ученицу ласковым полупшепотом:

«А вы, Горюнова, сделали домашнее задание?»

«Нет!» – гордо отвечала Галка, вытаращив свои глазищи с таким видом, как будто отказывалась от недостойного предложения.

«Хорошо», – тихо говорил Исаак, даже не замечая, что весь класс просто хохочет.

Физик сразу переходил к следующей парте и спрашивал:

«А вы?» – и, снова получив отрицательный ответ, бежал к журналу и ставил двойку с утроенной энергией.

Сидеть рядом с Галкой на физике было, с одной стороны, выгодно, так как можно было проскочить проверку домашнего задания и не получать лишней двойки, а с другой стороны – опасно, так как старый холостяк мог приревновать. Однажды, когда Исаак что-то писал на доске, я обернулся и рассказал Галке незатейливый сексуально-финансовый анекдот. Она захохотала громко и театрально, как будто мы сидели не на уроке физики, а в ресторане. Исаак обернулся и, указывая пальцем на дверь, заорал:

«Вон из класса!»

Но оказалось, что это относилось ко мне, а не к Галке. Она была для Исаака как священная корова для индуса.

Я рассказал математичке о своих планах. Как только Исаак краем уха услышал, что я собираюсь сдавать экстерном семнадцать экзаменов за одиннадцать классов, то смеялся долго и искренне. Вытирая слезы радости, вызванные моей очевидной глупостью, он заявил:

– Молодой человек, если вы выдержите экзамен по физике за курс семи классов – я встану перед вами на колени.

На Исаака я вовсе не обиделся и пропустил его реплики мимо ушей. Мы продолжили беседу с учительницей.

– Прошу тебя, подумай, – тихо убеждала меня математичка, не обращая внимания на Исаака, который старался влезть в разговор и накалить ситуацию, – еще есть время. Если сейчас начнешь как следует заниматься, то перейдешь в десятый класс. Потом вернешься из армии и спокойно закончишь десятый и одиннадцатый.

– И через пять лет буду иметь возможность поступать в университет? Нет, Анна Ивановна, я все решил, вы меня знаете.

– Ладно, Анатолий, делай, как знаешь, – вздохнула она и вдруг совсем тихо, чтобы не слышал Исаак, добавила: – Счастья тебе.

– Спасибо Анна Ивановна, – к голу вдруг подступил мягкий комок, – вот увидите!

За первый месяц я сдал десять экзаменов. Оказалось, что это вполне возможно. Оставалось выдержать еще семь экзаменов вместе с выпускниками одиннадцатого класса. В тот год все вечерние школы переходили с десяти- на одиннадцатилетнюю программу обучения и выпуска десятых классов не было. Из тех учеников, которые завалили выпускные экзамены в прошлом году, в одной из школ Невского района организовали сборный одиннадцатый класс

На экстернат набралось человек двадцать ребят. Большинство из них собирались сдавать экзамены в течение одного года. Выдержать все семнадцать экзаменов сразу, за два месяца, решились только я и еще четверо. Трое из этих четверых были учащиеся дневных отделений техникумов. Они, после окончания техникума, должны были работать по распределению на предприятиях и имели право со своим дипломом поступать только на вечернее отделение вузов. А они хотели получить аттестат о среднем образовании, бросить техникум, не доучившись, и поступить в вуз на дневное отделение. Для этих ребят сдать экстерном семнадцать экзаменов не составляло большого труда. Все они были отличниками и сдали даже высшую математику. Я со своими знаниями смотрелся среди них как осиновый пенек в дубовой роще.

Четвертым был Лифшиц, собиравшийся поступать в театральное училище. Лифшиц работал токарем на заводе и знал еще меньше, чем я. Но зато он умел состроить такое «серьезное лицо», что все мы просто давились от смеха. Лифшиц страшно боялся экзаменов. Я утешал его, как мог, и говорил, что с такой физиономией его должны принять в театральное училище без всяких экзаменов.

Первым экзаменом было сочинение. Нас, экстерников, отделили от выпускников и посадили в тесный методический кабинет в компании с двумя скелетами. Мы слышали, как за стеной, в соседнем классе, учитель литературы объявил выпускникам, что они могут открыто пользоваться любыми шпаргалками. Он предупредил, что шпаргалки нужно обязательно показать ему, и он решит, стоит ли с них списывать. Литератор сказал также, чтобы все обязательно показали черновики сочинений перед переписыванием, и он исправит грамматические ошибки. Мы позавидовали выпускникам, но оказалось, что среди нас была девчонка из педагогического техникума. Она блестяще знала русский язык и всем нам исправляла ошибки. Так что когда к нам пришел литератор проверять наши сочинения, то не обнаружил у нас ни одной ошибки.

– Вундеркинды! – удивился литератор.

Через два дня объявили оценки. Я получил четверку.

Оказалось, что учитель литературы давно собирал перлы из школьных сочинений и зачитал нам особо выдающиеся места из своей коллекции. Мы узнали, что «родители Ильи Муромца были простыми колхозниками; Наташа Ростова была связана с народом красной нитью, а князь Нехлюдов мочился духами; из произведений Некрасова крестьяне узнали, как им плохо живется».

В сочинениях на свободную тему перлы были современнее: «доярка сошла с трибуны, и на нее тотчас же влез председатель; ...он так взял доярок за живое, что надой молока сразу увеличился».

Математику я сдал без особого труда. На физике мне достался удивительно легкий билет: два вопроса я знал, а на третий у меня была отличная шпора. Появился шанс получить четверку или даже пятерку. Три вопроса я отбарабанил на одном дыхании. Экзаменатор задумался, придвинул к себе чистый лист бумаги и молча набросал на нем какую-то электрическую схему с сопротивлениями, ёмкостью, ЭДС и прочими условными значками. Внутри у меня противно заныло, так как в электрических схемах я совершенно не разбирался. Для меня вообще было загадкой, каким образом горбатый ток протискивается по тоненьким проводам и те при этом не изгибаются.

– Чему равна разность потенциалов вот в этих двух точках? – спросил экзаменатор, подвигая мне чертеж электрической схемы.

– Где? – машинально уточнил я, чтобы только не молчать.

– Вот здесь, – терпеливо пояснил физик.

Это был конец, и через несколько минут должен был состояться вынос тела. Шпорой воспользоваться было невозможно.

«Что, увидел острова в океане? – не удержался и съехидничал мой Первый внутренний голос. – Прав был Исаак!»

– Можно подумать? – спросил я, прекрасно понимая, что просто оттягиваю время.

– Конечно, думайте, – разрешил экзаменатор, – только быстро!

– «Хорошо сказать быстро, – подумал я, – цифр никаких не дал, одни значки и скажи ему разность потенциалов».

– Ну, что надумали? – поторопил меня физик. – Вопрос совсем простой.

Я решительно отодвинул листок, и как человек, которому в жизни уже нечего терять, бодро ответил:

– Нулю!

– Верно! – почему-то удивился моему ответу экзаменатор. – Давайте ваш экзаменационный лист.

Конечно, своих выпускников учителя вечерней школы тянули как могли. На экзамене по истории председатель комиссии – пожилой седовласый учитель в пенсне утешал заплаканную выпускницу – беременную ткачиху с фабрики «Рабочий»:

– Не рыдай, по первому вопросу ты все же кое-что сказала, по второму... ничего, по третьему... тоже. Общее мнение комиссии – четверка.

Я тихо порадовался за ткачиху. Такой либеральный подход к экзаменам со стороны комиссии мне очень даже понравился. Появилась надежда получить четверку или даже пятерку с необыкновенной легкостью. Я готов был с блеском ответить на каверзный вопрос типа «сколько лет длилась тридцатилетняя война?»

Но с меня спрос оказался иной. Члены комиссии гоняли меня по новейшей истории минут двадцать. Я крутился как уж на сковородке. И все же вывернулся и четверку получил.

Лившиц явился на экзамен по истории с забинтованной правой рукой. Он сел перед комиссией и взял экзаменационный билет.

– Ну-с, молодой человек, – обратился к нему историк, изображая из себя профессора университета, – вам понятен вопрос?

Лившиц кивнул.

– Тогда, ясно и четко расскажите нам про февральскую революцию.

Лифшиц с готовностью закинул назад голову, скривил рот и, очень натурально изображая зайку, начал:

– П... п... п... п... п...

– Вы так не волнуйтесь, – успокоил его экзаменатор.

– Ладно, – перебила Лифшица завуч, – лучше напишите ответ на бумаге. А что у вас с рукой?

– У... у... п... п... ал, и с... с... ло... мал.

– А написать вы сможете?

Лифшиц кивнул, и принялся левой рукой что-то неловко царапать на листке бумаги.

Историк взял в руки листок и попытался прочитать текст, но потерпел неудачу.

– Ничего не разберу, – признался учитель.

Лифшиц придвинул к себе листок и, тыкая в каракули пальцем, горячо пояснил:

– К... к... к... к...

– Достаточно! – сдался историк, – Выйдите на минутку из класса.

Перед комиссией встал вопрос, какую оценку ставить ученику. Мнения разделились. Одна половина комиссии во главе с историком утверждала, что Лифшиц ни черта не знает и еще издевается над учителями. А так как он сдает экзамены экстерном и к школе прямого отношения не имеет, то ему следует поставить двойку. Завуч в первую очередь была администратор и не считала нас, экстерников, посторонними людьми. Она знала, что для РОНО очень важно количество учеников, получивших аттестаты зрелости.

– Как же я могу поставить ему положительную оценку, когда он ни слова не сказал и ничего не написал, – возмутился историк.

– А как мы только что поставили четверку вашей любимой ткачихе? – парировала завуч.

– Так она по первому вопросу хоть что-то ответила.

– С вашей помощью. А вдруг он в действительности все хорошо знает, а вы, из-за физического недостатка, вlepите ему двойку? – надавила завуч на интеллигентность историка. – Это будет по совести?

– Общее мнение комиссии – четверка, – объявил историк довольному Лифшицу.

Автобус, накренившись на правый бок, еле тащился, подолгу замирая на частых остановках. Я возвращался домой с аттестатом о среднем образовании в кармане, и оба внутренних голоса во мне истошно орали, празднуя победу и наперебой поздравляя друг друга. На углу дома меня ждали ребята. Все они были в грязной одежде после работы. Пока они рассматривали мой аттестат, я закрыл глаза и в сизой дымке океана совсем близко увидел сказочный зеленый остров.